

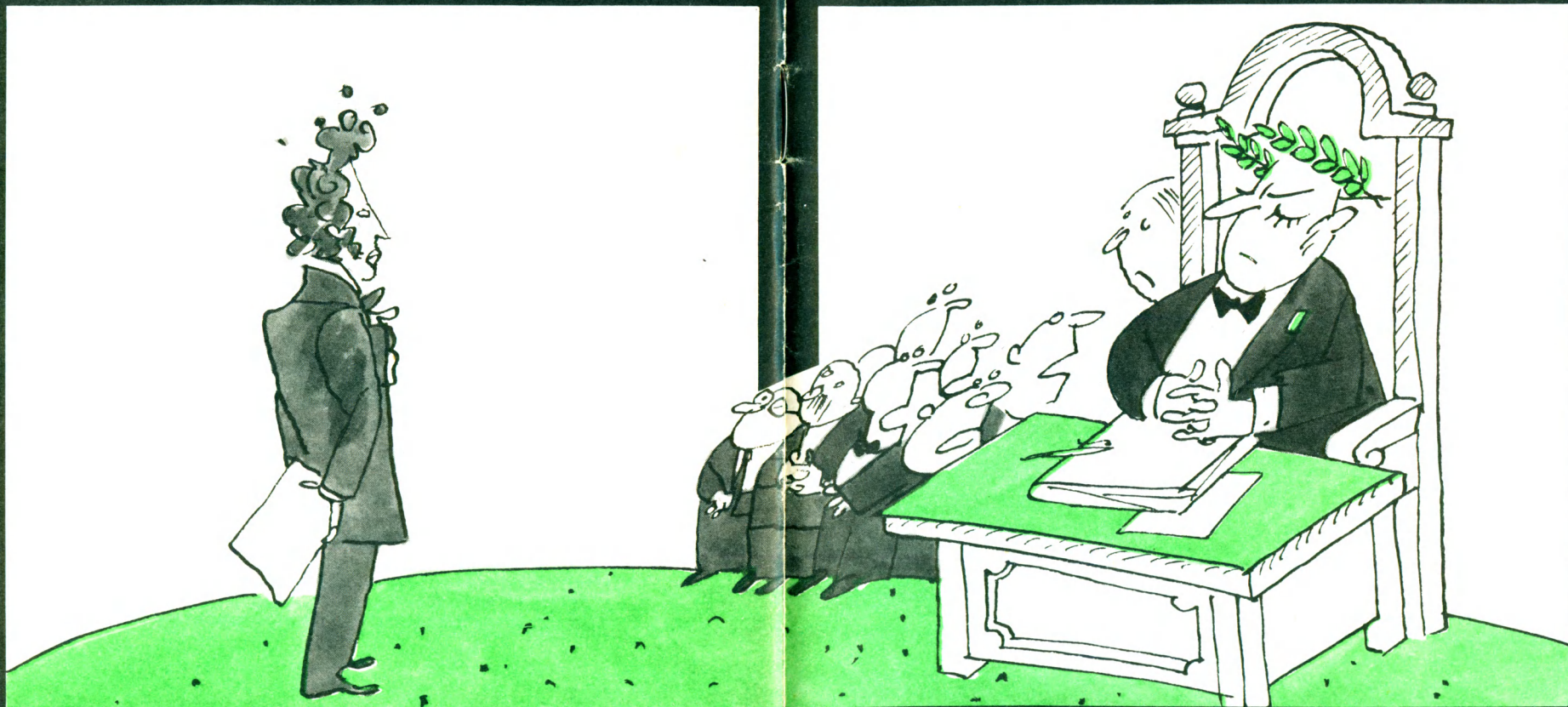
Цена 25 коп.
Индекс 72996

№ 21

ISSN 0132—2141

Илья РЕЗНИК
МЕСТО
ПОД СОЛНЦЕМ

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

— Ужели это мой портрет? —
В испуге плоть моя вскричала. —
— С оригиналом сходства нет —
Так исказил меня Мочалов!..

Где мой Олимп? Где мой Пегас?
Где нимб? В конце концов, где розы?
И слезы брызнули из глаз.

...То были крокодильи слезы.

Мочалов

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

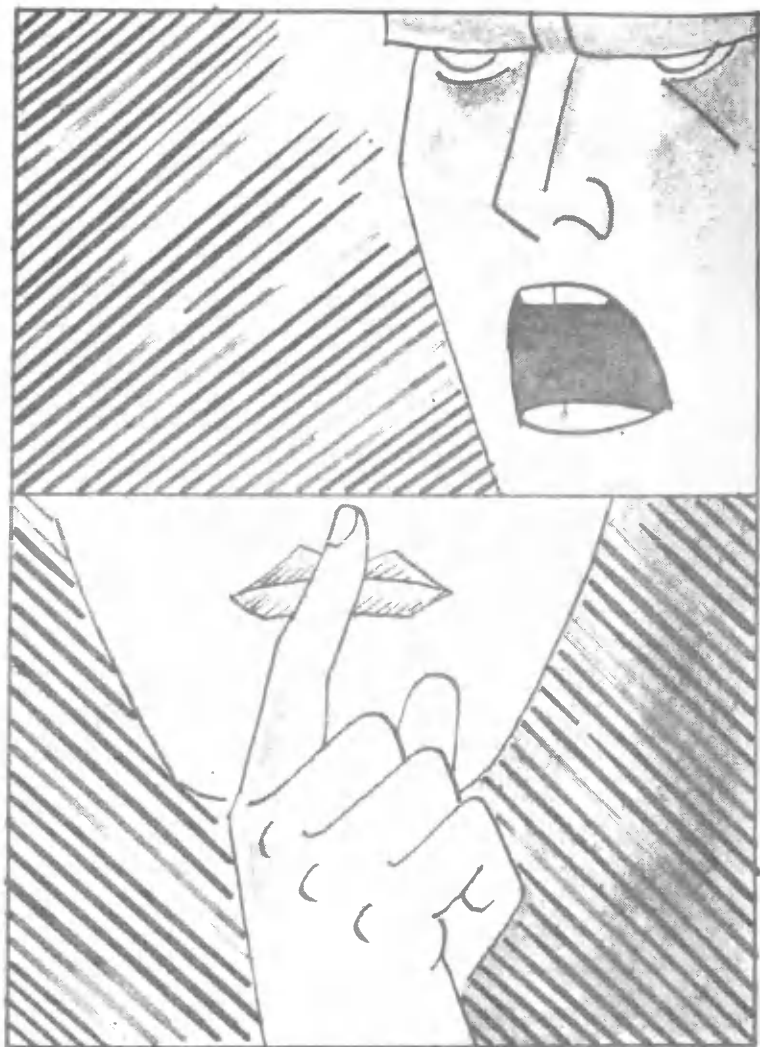
№ 21
(1057)

Илья РЕЗНИК

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Рисунки В. МОЧАЛОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988**

О ПРИСУТСТВУЮЩИХ

О присутствующих — только вслух.
Во весь голос. Не в длинное ухо.
О присутствующих — только вслух.
Проявите присутствие духа.

Пусть — средь чистого неба — гроза
Над житьем, где уют — суть всего.
Если правду, так только в глаза,
Вплоть до обморока присутствующего.

Прямоты неожиданный флюс
Пусть вспухает на лице унылом.
Откровенность не минус, а плюс,
Плюс к тому, что известно нам было.

Надаем же судьбе оплеух
Мы, отвагой и честностью полны!
О присутствующих — только вслух.
Об отсутствующих — безмолвно.

СОНЕТ О ДОБРОТЕ

О как ты добр. Добрее доброты.
Берешь любого обаяньем в плен ты.
Как небеса глаза твои чисты.
А комплименты так интеллигентны.

Всегда для всех светла твоя душа.
Ты труса восхваляешь за отвагу.
С плутом известным пьешь на брудершафт.
И самым щедрым называешь скрягу.

Святому — брат, всесильному — слуга,
Ты до того «добро» свое лелеешь,

Что даже завалищего врага
В пространстве обозримом не имеешь.

Не потому ль тебе и слышать лестно,
Что гений и злодейство несовместны?..

* * *

Посмотрим на себя со стороны.
Какие мы? Кто мы на самом деле?
Быть может, мы похожи еле-еле
На тех, какими кажемся себе?

Посмотрим на себя со стороны.
Глаза откроем, если мы не трусы.
И взвесим наши минусы и плюсы
Пред тем, как по чужой скорбеть судьбе.

Быть может, мы не так уж откровенны?
Быть может, пишем только между строк,
Искусно прикрывая свой порок
Смиренностью, ниспосланной Всевышним?

А может быть, от зависти нетленной
Глаза и губы наши солоны?..
...Посмотрим на себя со стороны
Пред тем, как правый суд вершить над ближним.

ЗЛАЯ СОБАКА

Как сама неприступная крепость,
Дом стоял за высоким забором.
На заборе угрюмо чернело:
«Осторожно! Злая собака!»

Торопились прохожие мимо
И тревожно на надпись косились.
Приносил почтальон телеграммы,
Уходя, озирался робко.

Из соседнего дома ребенок
Прибегал сюда. Прячась от мамы,
Пролезал через дырку в заборе
Под словами «...Злая собака!».

Приносил он собаке игрушки.
И они в те игрушки играли.
И друг друга никто не боялся...

Они оба читать не умели.

— КАК ЖИВЕШЬ, ВАСИЛИСА?

— И не в сказке сказать, ни пером описать,
Что творится в округе моей.
Как гляжу, чем дышу, с кем хожу я гулять—
Всем Разбойник свистит Соловей.

Назвала меня ведьмою Баба Яга
В музыкальной газете лесной,
И глядит на меня с той поры свысока,
И стучит костяною ногой.

Но напрасно соседи ужасную
Обо мне распускают молву...
— КАК ЖИВЕШЬ, ВАСИЛИСА?

— Прекрасно я,

Исключительно даже живу!

И не в сказке сказать, ни пером описать!..
Лясы точат который уж год,
Что хочу самобранку свою променять
Я на новый ковер-самолет.

Людоед приглашает меня на обед,
Водяной тянет в свой водоем,
Змей Горыныч созвал головной худсовет
И меня обсуждает втроем.

И пускай это дело — опасное,
Я не вздрогну и не зареву...
— КАК ЖИВЕШЬ, ВАСИЛИСА?

— Прекрасно я,
Восхитительно даже живу!

И не в сказке сказать, ни пером описать—
День за днем, от зари до зари
В жизнь мою ну никак не устанут влезать
Все кикиморы, все упыри.

И дошло до того это дело, что вот
Говорящий Скворец говорит,
Что, когда я пою, раскрываю лишь рот,
А поет за меня Рыба-Кит.

Но тревоги — мое дело частное.
Я подмоги себе не зову...
— КАК ЖИВЕШЬ, ВАСИЛИСА?

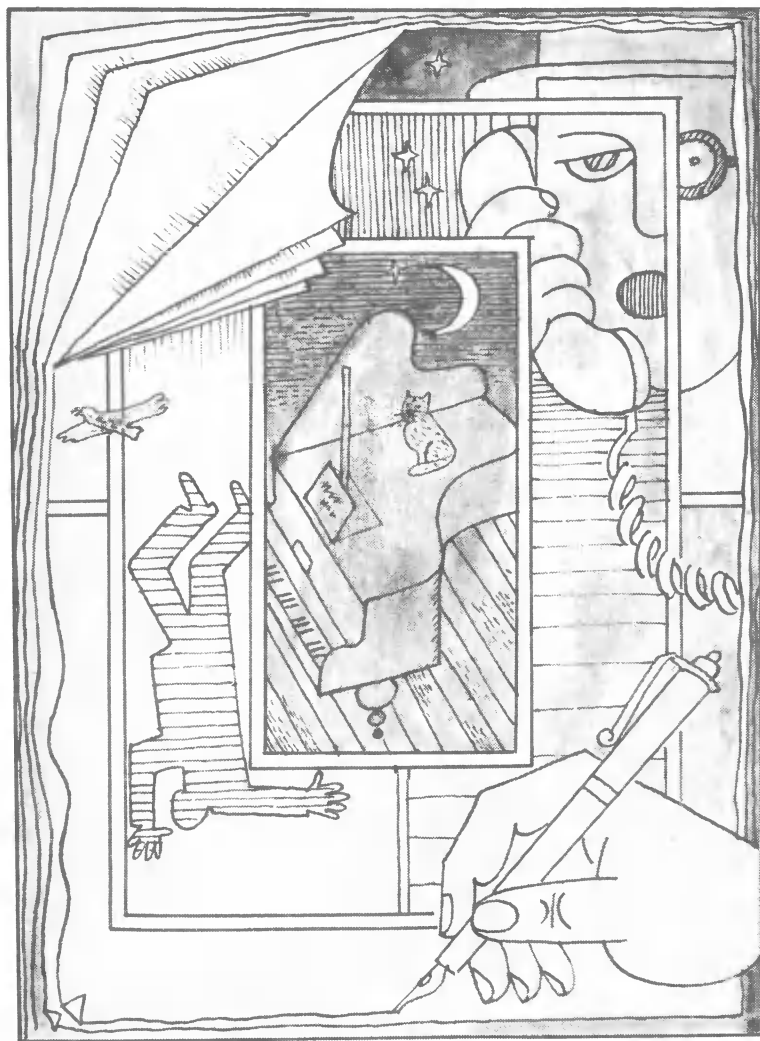
— Прекрасно я,
Удивительно даже...

СОН

Сиж у рояля.
Который украли.

Играю прелюды.
Ножом о посуду.

Рисую пейзажи.
Из пыли и сажки.

Друзей вспоминаю.
Которых не знаю.

Ложусь на кушетке.
Вчерашней газетке.

Являются мысли,
В которых не смыслю.

Звоню. К уху трубку.
— Мне к трубке голубку!

Шепчу ей влюбленно.
Что нет телефона.

Ответ громче грома:
— Да. Нет меня дома.

— Как? Нет тебя дома?
— Я вышла. К другому.

Что жизнь моя? Зуммер.
Раз звякнул. И умер.

В гробу стало тесно.
И снова воскрес я.

И снова иду я.
Впотьмах. На ходулях.

К трем лапам рояля.
Который украли.

И снова пишу я.
Главу небольшую.

В тиши кабинета.
Которого нету.

КРЫЛАТСКОЕ

— Окрыли меня, Крылатское,
Светлой рифмой озари.
Сослужи мне службу братскую—
Вдохновенье подари.

Обернись крылатой яхтою,
Чтоб над чистою водой
Вдаль понес меня распахнутый
Парус бело-голубой.

Ты взмахни крылом, Крылатское,
Сбрось волшебное перо,
Чтоб оно легко и ласково
Грусть с души моей смело.

Чтоб влюбился я без памяти
В это небо над Москвой,
Чтоб не знал я больше зависти
К моей юности былой.

Осени меня, Крылатское,
Одолжи мне божий дар,
И весна вернется красная
На осенний мой бульвар.

Двери ладные, парадные
Ты открой семи ветрам,
Чтоб помчался безоглядно я
К самым быстрым облакам.

Стань мне другом самым преданным,
Дай тепла и тишины,
Расскажи мне о неведомом,
Покажи цветные сны.

Постарайся звездной ночью
Крепче ставни затворить,

Чтоб соседи крупноблочные
Не мешали мне творить!..

...Долго слушало Крылатское
Речи звонкие мои
О цветах с глазами ясными,
О мечтах и о любви.

И сказала, улыбаясь мне:
— Я за это не возьмусь.
Хоть Крылатским называюсь я,
Но летать еще учусь!..

Ах, обитель моя милая!
Жить привык я на лету.
Сколько дней крылатых минуло,
А не взял я высоту.

Только верю я отчаянно,
Что с тобою мы вдвоем
Вознесемся над печальями
И не раз еще споем.

ТЕКСТЫ ПЕСЕН

Как трудно пишутся стихи,
Что называют «тексты песен».
Ну за какие же грехи
Пристала к ним презренья плесень?

Бездарность может быть во всем—
В стихах призывных, в детской прозе,
В романе высотой с дом,
В снобистско-элитарной поэ.

...В руках моих одно весло.
Другое держит композитор.
Чтоб нас на рифы не снесло,
В одно дыханье души слиты.

В тумане каждый день и час
Мы ищем главную дорогу.
И все зависит лишь от нас—
Фрегат ведем или пирогу.

Как тяжело пишутся стихи...
Простите, песенные тексты.
Но те, кто хлещет их, глухи.
И я пишу им текст протеста—

Войдите в Музыку, отцы,
Нравовучители святые.
Раз вы такие мудрецы,
Познайте звуки молодые.

Те звуки грусти и любви,
Осенних ливней и капли...
Вложите в них стихи свои,
Да так, чтоб их потом запели!..

Никто меня не убедит,
Что чем сложнее, тем дороже.
Поэт без слуха — инвалид,
Достойный жалости прохожих.

Мир песни — славный мой союз.
В нем нет ни ханжества, ни спеси
Я в нем живу. Я им горжусь.
Я — сочинитель «текстов песен».

ЦДРИ. ПРОЩАНИЕ С 1982 ГОДОМ ПО СТАРОМУ СТИЛЮ

Ну вот. И он уходит в Лету
Дорогой праведных забот,
Чуть-чуть печальный, в меру светлый,
Вполне пристойный Старый год.

Он ссорил нас. Он нас знакомил.
Куда-то вел. К кому-то звал.
И в хлебосольном этом доме
За чашкой чая собирал...

...И вот опять пришли сегодня
Веселье править до зари
На праздник старо-новгородний
Друзья-товарищи ЦДРИ—

Актеры, критики, поэты,
В браслетах дамы и месье...
Полуанфасы, силуэты
Творцов спектаклей и эссе...

Звучат «Три вальса» первозданно,
Кружат, как в давние года.
И снова Клавдия Иванна
Душой поющей молода.

Вот Немоляева. Поверьте—
В Москве таких не сыщешь глаз!
«В отсутствие любви и смерти»
Она присутствует у нас.

Забыв про завтраки и ланчи,
Вершит на Росинанте бег
Ее любимый — из Ламанчи
Простой советский человек.

Что экстрасенсы-эскулапы,
Когда нас лечит режиссер—
Великий кукольник, друг Тяпы,
Седой и пылкий фантазер.

В век Куросавы, Куросивы,
Профоргов, снобов, мудрецов
Вы удивительно красивы,
Сергей Владимыч Образцов!

А вот актер, сыгравший броско
Князей, трибунов, чудаков.
Я знаю — он в душе Янковский,
Хотя по внешности — Шварцкопфф.

Вот Алла. В стоголосном ранге.
Огненно-рыжая звезда,
Души моей дежурный ангел,
Отпев концерт, пришла сюда.

Здесь Иванов. Он из гурманов.
Он ест творцов, как канapé.
Гроза печатных графоманов—
Простых и членов ССП.

Захаров Марк. Творящий веско,
Наверняка, не на авось,
Поставив с комсомольским блеском
Бурлеск «Юнона» и «Авось».

Жванецкий. Умный чрезвычайно.
Толпы восторженной кумир.
С шоломалейхемской печалью
Он на подлунный смотрит мир.

Кобзона нет. Осталось эхо.
Опять Кобзон в чужом краю.
Он с песней в Африку уехал,
Оставив нам жену свою.

Среди блестящих лицедеев
С душой широкою «апаш»
Царит Евгений Евстигнеев.
И Волчек — современник наш.

Я слышу — голос Канделаки
Звучит в тональности «це-дур»,
Вот подает кому-то знаки
Эпикурец Винокур.

Я вижу вас, сошедших наземь,
Подмостков гордость и красу —
Иконный абрис Ашкенази
И толкуновскую косу...

...Что ж, Старый год — он канет в Лету,
Чтоб не вернуться никогда.
Пусть с ним останутся наветы,
Корысть, жестокость и вражда.

Ждет нас юнец розовощекий,
Поэт, художник и артист.
Он нам не предъявляет счета.
Он сердцем и глазами чист.

Он поведет нас к новым далям,
Где нет ни зависти, ни лжи,
Где утоляются печали
Одним движением души.

Прочь, все невзгоды и напасти.
Дай бог нам ясного пути.
Там, рядом, за порогом, счастье...
Вот только как его найти?..

ВОСТОЧНЫЕ
МЕЛОДИИ

ЛЖЕТОВАРИЩИ

О лжетоварищи мои!
Вас помню всех, кто рядом были.
Вы то с друзьями, то одни
В мой дом без стука заходили.

Прогнав сомненья за порог,
Я душу распахнул, как веер,
Так долго был я одинок,
Что вам, закрыв глаза, поверил.

О лжетоварищи мои!
Вы жили словно в поднебесной!
Вы за собой мостов не жгли,
Не шли тропой над черной бездной.

Упал лишь камешек с горы.
И вмиг, взывая о спасенье,
Вы разбежались до поры—
А вдруг грядет землетрясение?!

О лжетоварищи мои!
Как сладко ели вы и пили!
Клянясь восторженно в любви,
Меня вы вовсе не любили.

И слишком поздно я узнал,
Сопроводители досуга,
Что из-за вас я потерял
Навек единственного друга.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Я мужа твоего привел.
— Привел, отец.

- Скорее, дочь, накрой на стол.
- Накрыт, отец.

- Твой муж хоть молод, но богат.
- Богат, отец.

- Смотри, какой орлиный взгляд.
- Смотрю, отец.

- Надеюсь, я привел не зря?
- Не зря, отец.

- Так ты довольна, дочь моя?
- О да, отец.

- Сей миг — венец мечты моей.
- Венец, отец.

- Ведь он — отец твоих детей!
- Отец, отец.

- Ну, а сбежать захочет вдруг
Твой молодец,
Ждут у дверей пять дюжих слуг.
- И мой кинжал, отец.

ПЕТУХ ПРОПЕЛ

Петух пропел. Вставать пора,
Да нету сил... Но со двора,
Подобно тысяче капелл,
Петух пропел.

О чернокрылый Азраил!
Он сон священный погубил,
А я его не досмотрел.
Петух пропел.

Хвост распустил мучитель мой.
Поет, от счастья сам не свой,
Для кур своих. Красив и смел.
Петух пропел.

Ну что, Джемшид, мне делать с ним?!
Он знает, что незаменим—
Один на всех — и обнаглел.
Петух пропел.

А впрочем, пусть себе поет.
Он так привык. Он так живет.
Подумал это я и встал.

Петух уже не пел. Устал.

* * *

Сказала: «Вот за той звездой
Пойдем вдвоем крутой тропой!»

Я верил. Но я был не прав.
И понял, тень твою обняв,
Что был обманут я тобой.

Сказала: «Я твоей стрелой
Поражена, любимый мой!»

Рустам примчался на коне,
И сразу стало ясно мне,
Что был обманут я тобой.

Сказала ты: «Родник живой!
Навек напьюсь твоей водой!»

Но я узнал, когда шербет
С тобой, смеясь, пил Вилайет,
Что был обманут я тобой.

Сказала ты: «Поэт любой
С тобой в сравнение — козодой!»

Но, прочитав Махтумкули,
Глаза увидели мои,
Что был обманут я тобой.

Я стал, как ты, совсем седой.
С тобой давно уже другой.

С почтеньем я гляжу на вас,
Аллаха славя каждый час,
Что был обманут я тобой!

В ЧАЙХАНЕ

Анвар, Азим, Аббас, Исхак
Сидели молча, просто так...

Пред ними были, как всегда,
Зеленый чай и парварда...

Анвар сказал, пуская дым:
— О чем ты думаешь, Азим?..

Азим ответил через час:
— О том, что думает Аббас!..

Аббас сказал, зевнув в кулак:
— О чем мы думаем, Исхак?

Исхак сквозь сон ответил им:
— На хлопке все... А мы сидим...

СОВЕТ

— Куда девать избыток сил,
Батыр-ака?—
Влюбленный юноша спросил
У старика.

— Коль силы есть,—сказал старик,—
Учись.
А не постигнешь мудрость книг,
Женись.

Я СЛЫШАЛ...

— Я слышал — ты украл коня.
— Коня?.. Он сам унес меня.
— Все говорят — ты бьешь жену.
— Жену?.. Люблю ее одну...

— Я слышал — ты друзей предал.
— Предал?.. Я б жизнь за них отдал.
— Все говорят — ты жуткий плут.
— Я плут?.. Неправда. Люди лгут.

— Молва идет — ты скуп, сосед.
— Сосед, меня щедрее нет.
— Мешок пшеницы одолжи.
— Вот четверть зернышка — держи.

* * *

Когда красавица стареет,
Глаза сурьюмою подведя,
Когда от ужаса немеет,
Морщинку новую найдя,

Когда в молчании истошном
Встречает вечер и рассвет,
Когда с усталостью тревожной
Глядит соперницам вослед,

Когда средь буйного веселья,
Всем улыбаясь, слезы льет,
Когда взывает о спасенье
К тому, кто больше не спасет,

Когда о каждом дне жалеет,
Унесшем прежние черты,
Когда у зеркала бледнеет,
Своей стесняясь наготы,

Когда она, теряя силы,
Вот-вот споткнется, упадет,
Скажите ей: «Как ты красива!»

Она как роза расцветет.

АРГАМАК

Я молод был, красив и смел,
Я, не страшась, вперед летел,
 Как аргамак.
Но оседлала ты меня.
И кто теперь, скажите, я?
 Вот так.

Простор земли — родной мой дом.
Над ним рассвет пылал костром,
Как мой очаг.

Ты затоптала мой огонь.
Сказала: «Ну какой ты конь?..»
Вот так.

Звенела грива на ветру.
Я пел на солнечном пиру,
Что смерть — пустяк.
Хлестнула ты меня, как прут.
Сказала: «Разве так поют?»
Вот так.

Перед судьбой я не дрожал.
Сам ошибался, сам решал,
Кто друг, кто враг.
Но ты сказала: «Я — судья!»
А кто теперь, скажите, я?..
Вот так.

Я нес тебя за кругом круг.
Но пред крутым обрывом вдруг
Замедлил шаг.
Но ты пришпорила меня.
И что осталось от коня?!
Вот так.

Друг, не бери с меня пример,
По жизни мчись во весь карьер,
Как аргамак.
Не дай взнуздать себя, поэт,
И не услышишь ты вослед:

.

РАЗМЫШЛЕНИЯ
ТЕАТРАЛЬНОГО
РЕЖИССЕРА
ПЫЛЬКУЛИСОВА

1. О ЗРИТЕЛЕ

Горит ли солнце, светят звезды,
К нам гость идет густой толпой.
В театре все легко и просто.
Отдохновенье и покой!

Но это кажется. Не боле.
Все это миф, мираж, фасад!
Ведь нам приносят столько боли
Одно словцо, недобрый взгляд.

Никак не смолкнут пересуды,
Что та — не та, а тот — не тот.
Вот стал бы толстый плоскогрудым.
А этот бы — наоборот!

К вам прибегут давать советы
Все, кто угодно — мал и стар.
Ветврач вам даст рецепт по свету,
По мизансценам — кулинар.

Ботаник вам расскажет умно,
Как нужно петь и фехтовать,
Аквалангист — как шить костюмы,
Завхоз — как пьесу написать.

И вам с галерки гаркнет голос:
— Прошу ответить на вопрос:
Зачем артисту длинный волос,
Когда ношу я полубокс?!

— Давай! — шепнет доброжелатель,
Артиста хлопнув по плечу.
— Халтура! — свистнет обыватель, —
Все ерунда, мура и чужь!..

...Горит ли солнце, светят звезды,
Идет молиться зритель в храм!

В театре всем легко и просто,
Легко и просто...

Но не нам.

2. О СОВРЕМЕННОМ АКТЕРЕ

Ну что, спрошу я вас,
С артистом происходит?
По сцене он сейчас
Как на ходулях ходит.

В глаза посмотришь — врет.
Заглянешь в душу — пусто.
А каждый день поет —
Поддай ему искусство!

Ну где, спрошу я вас,
Макбеты и Отелло?
Где их могучий бас,
Торжественный и смелый?

Артист! Ну где ж ты есть?!
Он спит... Он еле дышит...
Под нос бормочет текст
И сам себя не слышит!..

А где веселый звон
Тарелок, труб, челесты?!
Увы, магнитофон
Теперь оркестров вместо.

Где свет счастливых глаз
Творца, певца, поэта?!
Я спрашиваю вас.
Я жду от вас ответа!..

3. О ДРАМАТУРГИИ

Не знаю я, что думают другие,
Меня все время мучает вопрос:
— Куда несешься ты, драматургия,
К высотам новым или под откос?

О драматурги! Сколько в вас сноровки!
В театре только пьеса прочтена,
Ан глядь — в кино снята инсценировка,
По радио уже звучит она.

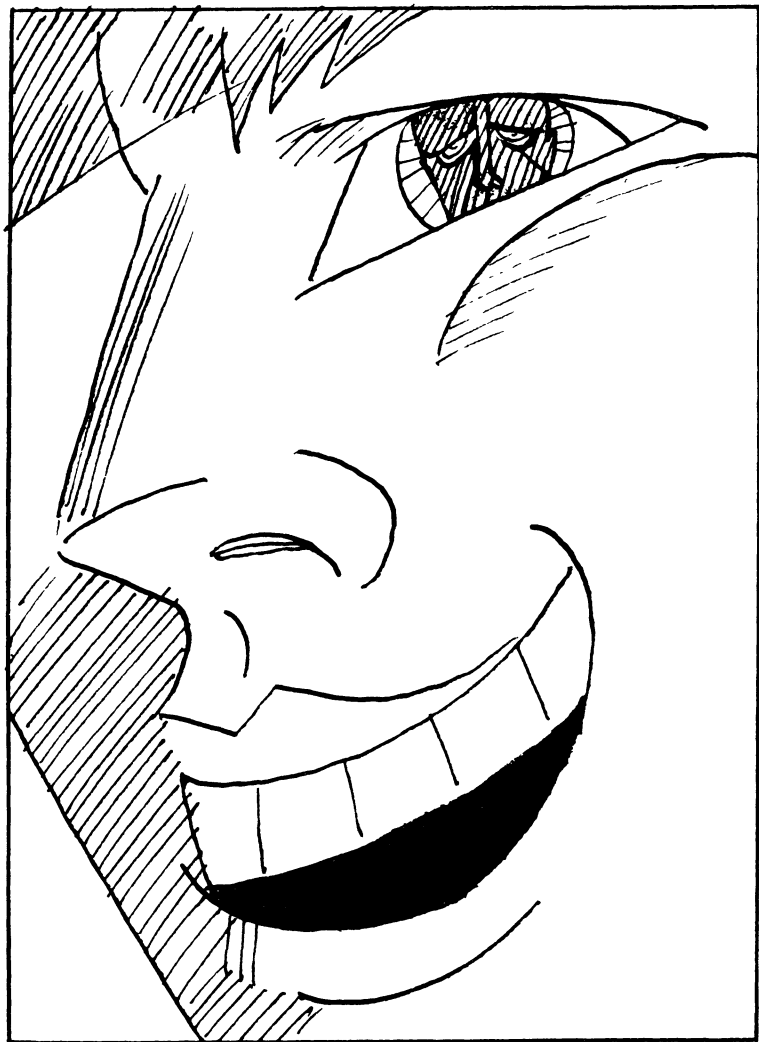
А пьесы-то... Скучны и дидактичны,
Как планировка блочных ЖСК.
Читаешь — «д р а м а». А не драматична.
Написано — «к о м е д и я». Тоска!

Ну, а герой?.. Какой он?.. Он вульгарен
Или, напротив, слишком голубой.
И девушка — не девушка — свой парень,
Гибрид гитары с Бабою Ягой...

...Не знаю я, что думают другие,
Ну, а меня опять бросает в жар.
Я вижу — ближе все драматургия
К трагедии,
исчезнувшей, как жанр!!!

4. О ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОРОСЛИ

В театре что за молодежь?
Не ставит нас она ни в грош.
Придет из вуза шалопай,
Ему все роли подавай!

Нет чтоб у старших подучиться,
Кричит, бушует, петушится,
И в грудь стучит: «Я — самый лучший!»

А роль хорошую получит,
Так сразу ясно, в чем тут соль:
В кулисах — бог!
На сцене — ноль!..

5. ОБ АКТЕРСКОМ РЕМЕСЛЕ

Если ты хочешь актером стать,
Ты должен сначала себя испытать
В уменье, в терпенье, в горенье и в том,
Сумеешь ли в стужу ходить босиком,
Носить летом шубу и ватный парик,
Играть людоедов, чертей и заик,

И пачкаться гримом от ног и ушей,
И в шкуры влезать — и слонов и мышей,
Забывать навсегда о домашнем тепле,
О детях,
О сне,
О весне,
О жене,
Работать, как вол,
Вырабатывать вкус,
Играть, несмотря на ангину и флюс,
Любить, ненавидя,
Страдая, терзать,
И плакать, смеясь,
И, рыдая, плясать!

Коль в этой науке мозоли натер,
Я жму тебе руку.
Теперь ты АКТЕР!

ЭПИГРАММЫ

АНОНИМЩИК

Он прожил жизнь (какая жалость!),
Ничем и никогда не славясь.
Одно ему и оставалось—
Макать перо воронье в зависть.
И столько кляуз сочинил
В псевдовоинствующем раже,
Что цвета черного чернил
Не стало в розничной продаже.

ЭПИТАФИЯ ТЕЛЕФОННОМУ МАНЬЯКУ

По телефону днями и ночами
Все новости мирские слушал он.
И вот теперь (точь-в-точь по завещанью!)
Стоит над ним гранитный телефон.

ИСТИНА

Вошла Фемида.
Встали на весы
Матерый вор и пара молодая.
И вор сказал с усмешкою лисы:
— Я взял у них всего одни часы—
Счастливые часов не наблюдают!..

ОТКРЫТИЕ

Язык -- твой враг.

Но я заметил —

От болтунов бывает толк.

Ты столько слов бросал на ветер,

Что тот под грузом их умолк!

АВТОРУ МНОГИХ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЕСЕН

За что стихи твои любить?

Из них и песенки не сложишь.

«Поэтом можешь ты не быть...»

А быть поэтом ты не можешь.

ВСЕ МОГУЩЕМУ

Ты видим был — пылал пожаром.

Ты слышим был — всех громче пел.

И вот теперь ты стал Икаром.

Так почему ж ты уцелел?!

ЭНЦИКЛОПЕДИСТУ

Он прочитал всего Аполлинера.

За Байроном последовал Шекспир.

Штудировал Петрарку и Гомера.

Но след в душе оставил «Мойдодыр».

В МУЗКОМЕДИИ

Все в том театре удивляет —

Партер! Балкон! Парадный вход!

Там кто поет — тот не играет.
А кто играет — не поет.

НЕУДАЧНОМУ СЕМЬЯНИНУ

Не жалуйся на склочную жену.
И тещу слишком часто не брани.
Ну разве можно ставить им в вину
То, что с тобой несчастливы они?!

ЗНАТОКУ

Ты можешь все. Ты знаешь всех —
Кто черт, кто богородица.
К кому и как пришел успех
И кто когда разводится.

Твои достоинства ценя,
Скажу тебе в напутствие:
Ты можешь все! Избавь меня
От своего присутствия!!!

ЗАВИСТНИКУ

Он не щадил свои больные нервы,
Завидуя удачливой судьбе.
Но так как в зависти считался самым первым,
То больше всех завидовал себе!

НАГОВОР

— Он — Дон Гуан!
Он — сердцеед с бульдожьей хваткой!
— Он — Мефистофель!
Сколько душ он развратил!!!

— Менял он женщин,
 тим-тирь-ям-пам,
 как перчатки!..
(А он, чудак,
 всю жизнь жену свою любил.)

ИНТРИГАНУ

Я в курсе всех твоих интриг.
Их можно уважать за лихость.
Представь себе, что я постиг
Твою врожденную двуликость.

Но знаешь ты, готова мне
Скоропостижное крушение,
Что и тебе гореть в огне
Святого жертвоприношения?!

МУЗЫКЕ

Сестра Гуно, подруга Сарасате!
Избранница! Дари нам неземное!
Звучи бескрайне днем и на закате!
Но только не в квартире за стеною.

ПОЛИГЛОТКА

Познав все сленги, все наречья,
Общались (и вполне удачно!)
С любимым псом — по-человечьи,
С детьми и мужем — по-собачьи.

КОЛЛЕГЕ

Как страус, важен и высок,
Ходил ты.

Но беда случилась—
Ты спрятал голову в песок.
И нам лицо твое открылось.

СУПЕРМЕНУ

Ты всем хорош — ума палата.
Глаза Шекспира. Руки Будды.
Торс Аполлона. Лоб Сократа.
Жаль только вот душа Иуды.

МОЛЬБА

Ты был, Поэт, судьей и адвокатом,
Ты жить учил. Ты отпускал грехи.
Прошу тебя: на миг стань Геростратом—
Сожги свои нетленные стихи!

КОМПОЗИТОРУ-ОРАТОРУ

Никто твоих творений не поет.
Но выступишь — и гложет медь оркестра.
И хоть известно всем, что в музыке семь нот,
Я шлю тебе еще одну — протеста!

ИЗБРАННИКУ СУДЬБЫ

Талантлив был, хваля свои победы.
Считал себя избранником судьбы.
Нередко восклицал: «Я — Грибоедов!»
И в самом деле — часто ел грибы!

В ЛАВКЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Вхожу. И у выхода робко стою.

— Кто будет последний из вас? — говорю.

И мне отвечает писательский рой:

— Мы первые все! А ты будешь второй!

АКСЕЛЕРАТ

Умом ты быстр, акселерат.

И смел, как гладиатор.

Я за тобой угнаться б рад,

Да сел акселератор.

НА ВЫСТАВКЕ

О сколько выставка творений собрала,

Написанных свежо, свободно, лихо!

Но самую прекрасною была

Картинка под простым названием «ВЫХОД».

БЕССОННИЦЕ

Из-за тебя постылы ночи.

Из-за тебя унылы дни.

Ну, что уставилась мне в очи?

Оставь меня. Устань. Усни.

ЭПИТАФИЯ ПАРОДИСТУ

Он был пародист, пародист,

По роду службы — маг, артист.

Врагов имел две тыщи дюжин,

Но сердцем был пред богом чист.

Не плачьте громко—

он все слышит.

Цветы качаются—
 он дышит.
Пройдет мгновение—
 и он
На смерть пародию напишет.

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Не стал певцом. Не стал поэтом.
Так кем же стал он, наконец?!
Во всех жюри и худсоветах
Он царь, и бог, и Главный Жрец.

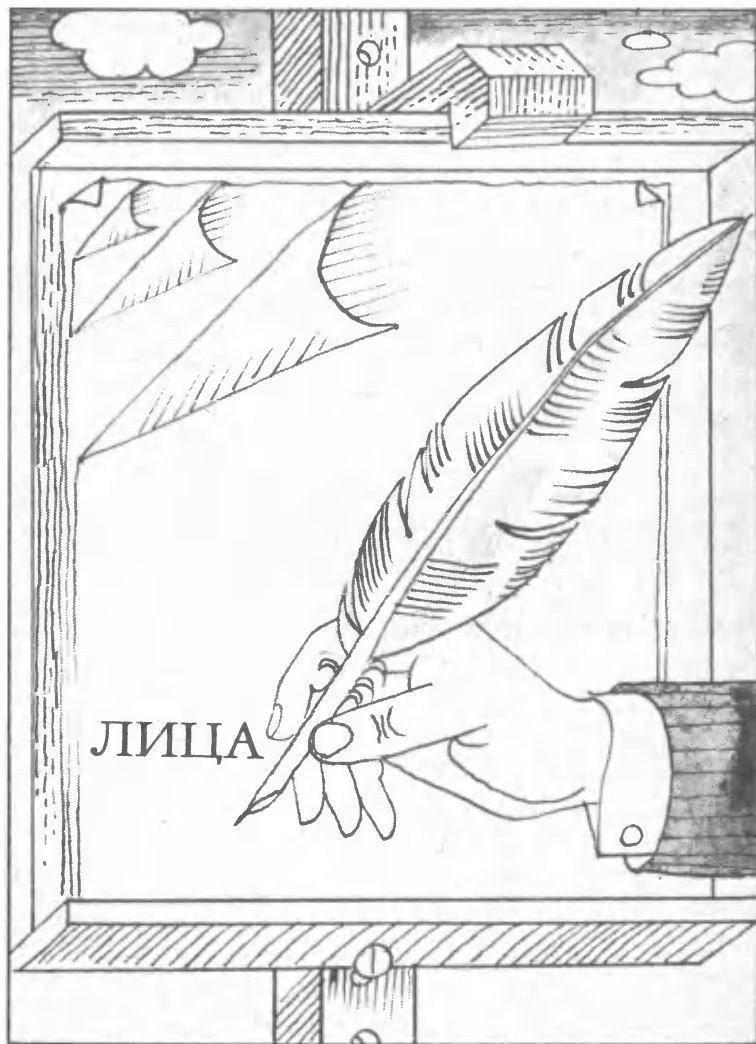
АВТОРУ КАНТАТЫ

Стерпеть кантату вашу было нелегко.
Но все ж к концу ее осталось четверть зала—
Администрация за вредность выдавала
Всем досидевшим до финала молоко!

ПЕРЕВОДЧИКУ

Как слепца через дорогу,
Переводишь ты поэта.
Переводишь боль, тревогу
Ближе к сердцу, ближе к свету.

А в счастливую минуту
Вдруг прозреет тот слепец,
Он увидит твои пути
И терновый твой венец.

Булат ОКУДЖАВА

Булат Окуджава...
Глядит имярек
С воздушного шара
На пушкинский век.

А там — юной девы
Мальчишеский стан.
— Лавиния, где вы?
Я ждать вас устал!..

Осушена чара.
Исхожен Арбат.
Перо и гитара.
Да горестный взгляд.

— Что взгляд этот значит?
Белы вы как мел.
— ...Девочка плачет.
Шарик улетел...

Ян ФРЕНКЕЛЬ

Мне кажется порою, что Ян Френкель
(Огромности и скромности пример)—
Идущий через горы, через реки
За Музыкой волшебной Гулливер.

Идет по миру, статный и усатый,
И смотрит в ожидание нужных слов
На небо, что воспел Расул Гамзатов,
На поле, где гуляла Инна Гофф.

Потом рояль достанет из котомки,
Вздыхнет устало, сядет на пенек,
И огласит окрестность голос томный,
Дрожащий, словно тонкий колосок.

И вепрь, и лань, и мишка из берлоги
Придут к нему в те светлые часы,
И каждому захочется потрогать
Его невероятные усы.

Александр КАЛЯГИН

Калягин.
Он может сыграть что угодно.
Актер у Театра в чести.
Герой.
Резонер.
Плут.
И муж благородный.
Вдова.
Инженю.
Травести.

Трагичен.
Комичен.
Лиричен.
Пластичен
И полифоничен всегда.
Он так необычен.
И нам симпатичен.
Мгновенья,
Недели,
Года.

В полете.
В почете.
В заботе.
В работе.
Отелло.
Фальстаф.
Чайльд Гарольд.
Прощайте
И здравствуйте!
Вы — наша тетя.
Давайте дружить,
Леопольд!!!

Чингиз АЙТМАТОВ

О, как читаем он!
Как почитаем!
Мир книг его необозрим,
Неповторим.

Айтматов входит в дом.
И мы мечтаем,
Чтоб дольше века длился день
свиданья с ним.

Вячеслав ТИХОНОВ

Мелькают кадры... части... ленты...
ЧП... Любимый класс... Ростова...
Агенты... Явки... Резиденты...
Бородино... Берлин... Пеньково...
Кино — искусство миллионов.
Их глас звучит как голос свыше:
— Когда же Юлиан Семенов
Второго Штирлица напишет?!

Юрий ТЕМИРКАНОВ

Вулкан
Страстей.
«Капакабана».
Влюбленный
Юноша.
Гигант.
У пульта
Юрий
Темирканов.
Полуинфанти,
Полуатланти.
Тайфун,
Самум.
Пожар.
Фиеста
Души,
Ушей,
А также
Глаз.
Он
Дирижирует
Оркестром.
Им
Дирижирует
Кавказ.

Ираклий АНДРОНИКОВ

Лермонтовед и пушкинист,
Артист, историк, публицист,
Нас покори́л — не так ли?—

Андроников Ираклий.

Собрав характеры друзей
В филармонический музей,
Нас удивил — не так ли?—

Андроников Ираклий.

Искусствовед, библиофил,
Он тайну «Н. Ф. И.» открыл,
И нас потряс — не так ли?—

Андроников Ираклий.

Читатель мой, бросай дела—
Решай загадку «И. Л. А.».

Андроников Ираклий—
Ответ ее. Не так ли?!

Георгий ТОВСТОНОГОВ

Рассвет. Стою я у порога.
За ним — Театра вечный храм.
А там — Георгий Товстоногов,
Властитель дум, создатель драм.

А там, с ним рядом, недалече,
В сиянье всех прожекторов —
Всепобеждающий Стрельчик,
Все понимающий Лавров,

Алисы Фрейндлих добрый гений,
Басилашвили — гранд-премьер,
Столикий Лебедев Евгений —
Он — и Яга, и Холстомер.

Там ахи, охи и восторги,
Любовный лепет, трепет крыл,
И духи, что святой Георгий
На выход в свет благословил.

Эльдар РЯЗАНОВ

В час, когда замирает квартира
В ожиданье вестей о кино,
Тихий ангел — хранитель эфира
Заплывает к нам в телеокно.

Он склоняет могучие плечи,
Руки-крылья кладет на живот
И прекрасные умные речи
Не спеша говорит, как поэт.

Вновь картина сменяет картину,
И с ведущим поют в унисон
Куравлев и Джульетта Мазина,
Ширвиндт, Дуров, Кайат и Брессон.

Дарованьем своим уникален,
Сценарист, юморист, полиглот,
Поэтичен он и музыкален
(И, по-моему, чуточку шьет.)

Под рыдания цыганской гитары
Нам с Рязановым вместе страдать.
С новым фильмом, Эльдар,
с легким паром!
Будем ждать лент нетленных опять.

Ставьте, славьте, пишите и пойте
Так, чтоб в душах звенел резонанс!
...И на этом закончить позвольте
В вашу честь мой служебный романс.

СОДЕРЖАНИЕ

О присутствующих	3
Сонет о доброте	3
Посмотрим на себя со стороны	4
Злая собака	4
— Как живешь Василиса?	5
Сон	6
Крылатское	9
Тексты песен	10
ЦДРИ. Прощание с 1982 годом по старому стилю	13
ВОСТОЧНЫЕ МЕЛОДИИ	16
РАЗМЫШЛЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО РЕЖИССЕРА ПЫЛЬКУЛИСОВА	24
ЭПИГРАММЫ	30
ЛИЦА	38

Илья Рахмиэлевич РЕЗНИК

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Редактор А. С. Пьянов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 06.07.88 Подписано к печати 14.09.88
А 11777 Формат 70 × 108^{1/8}, Бумага типографская № 2
Гарнитура «Гарамонд» Офсетная печать Усл печ л 2,10
Учетно-изд л 2,14 Усл кр-отт 2,45 Тираж 75000
Заказ № 2736 Цена 25 коп

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда» 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Я СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ...

Я молодым когда-то был (1938), еще вчера, вчера. Я шел. Бежал. Летел. И плыл. Эт сетера... Но пред собой держать ответ всем наступает срок. — Что сделал ты за столько лет? — Я? Сделал все, что мог... Я помню первый мирный год (1945) и первый резвый класс (школа № 200 г. Ленинграда): «Урок идет, а он поет. Уйди! И пой без нас!» Пел в хоре, не жалея сил, ходил и в драмкружок (1950), с подножки прыгал и курил. Я делал все, что мог... Я помню петербургский дом; у бабушки я жил (1946—1955 гг.), полусиротства горький ком меня не иссушил. И хоть мне случай не испек рождественский пирог, переступив через порог (1956), я сделал все, что мог. Я рвался в театр (им. В. Ф. Комиссаржевской), я пылал, как люстра в тыщу ватт. Я так старался, так играл (Блендер-бленд, Хворостинин, Гурам), чтоб ахнул Ленинград (с 1965 по 1972). Но зритель мне, зевнув, сказал: «Игрок! Ты не игрок!..» И я шагнул со сцены в зал (май 1972). Я сделал все, что мог... И вот я с лирой за плечом шагаю по Неве, а стих звенящим бьет ключом в горячей голове. Я массу песен написал (3 сборника) и кипу буйных строк (2 книжечки) про чуда, про небеса... Я делал все, что мог... Да, время — лекарь, это так, маг — время, наконец, но каждый миг, но каждый шаг твердят, что время — жнец. Колосья-дни летели прочь, снопы ложились в стог. Мои сонеты — сын (1969 г. рожд.) и дочь (1976) — вот творчества итог... Еще итог — мой банк идей, его репертуар — 2 пьесы, повесть для детей («Тяпа не хочет быть клоуном»), пластинки суперстар (А. Пугачевой, Л. Вайкуле) и те стихи, что сочинил, но в памяти берег...

...Их напечатал «Крокодил». Он сделал все, что мог...